Неизвестный -

Пойте песни дроздов и воробьев

Если время рассказывает грустные истории вновь.

Почувствуй свою ценность, что мы предоставляем.

Взаимные уступки до разрыва связей.

Там лежат узы, что мы несем и рушим."

Колыбельная моей матери успокаивала мою душу, а голова в это время лежала на ее коленях. Ее рассказы и мелодии согревали меня, как костер в холодную ночь, поэтому, несмотря на тряску нашей кареты, нежный голос моей матери позволял мне спокойно спать.

Мой отец направляет по пути нашу повозку, а свет висящей лампы позволяет ему разглядывать дорогу впереди. Мягкий оранжевый отблеск света от моей матери наделяет меня мужеством перед странными, ползающими тенями, движущимися между лесными деревьями. Мужество это увядает, сталкиваясь с молниями, грохошущими каждые несколько секунд, как будто небо над нами начинает рычать.

Взгляд моей матери облегчает эти страхи. Ее изумрудные глаза и коричневые волосы сходятся в невероятном контрасте, словно у зеленой феи, летящей в лесу. Контролируя свой голос, то поднимая то понижая его, ее мелодия и песня делают это внезапное и странное путешествие легким, как плавание по океанам шелка.

Лежа в полудреме я слышу, как мой отец остановил лошадей с помощью поводьев. Он вошел в тускло освещенную карету, его волосы, чёрные, словно вороново крыло, ничуть не смогли скрыть его игривую улыбку. Моя мать всегда была серьезной, а отец всегда был таким веселым, будто услышал хорошо рассказанную историю. Мама всегда объясняла это тем, что таким образом они дополняли друг друга. Я согласился.

В кожаной жилетке и красной хлопковой рубашке он начал шептать, в медленном, равномерном ритме: "Кажется, тебе наконец удалось его успокоить. Я, просто слушая, тоже почти задремал."

Моя мама, краснея, прошептала, "Ему нужно отдохнуть."

Он прикоснулся к ее щеке: "Пойдем, мы могли бы повеселиться, пока он не проснулся."

Она засмеялась, хлопнув его по руке, игриво, как девочка: "Ты пришел сюда, чтобы просто подразнить меня?"

«И для этого, и чтобы увидеть, как он спит."

"Путешествие тяжелое, но с нами все будет хорошо."

Улыбнувшись, он сказал: "Хорошо. Леса столь же опасны как и нож, так что нам нужно вести себя осторожно. Я бы не хотел, чтобы вы двое подверглись опасности, хотя, наш малыш, немного постаравшись, своим остроумием мог бы напугать и демона"

"Без сомнений, ты уже не раз это испытал.". Остановившись на мгновение, она продолжила. "Как думаешь, Джеку понравится наш новый дом?"

"Конечно. Рибрэй - город культуры. Ты же знаешь, что Джек хорошо разбирается во всяких россказнях. Он будет там сиять."

"Просто из-за всего этого я немного волнуюсь. Мы как будто сбегаем."

"Мы приехали сюда лишь чтобы предложить ему лучшее будущее."

Закусив губу, она сказала: "Я просто не знаю, были ли мы в самом деле в опасности, как ты ранее говорил. Я знаю, что мы не нравимся твоей семье, но вот так уходить без всякого предупреждения... Это как то безрассудно."

Он зарычал, словно гром: "Они желают смерти моей жене и ребенку. Они мне не семья."

Удивившись крику отца, я поднял голову, озираясь. Мой отец положил ладонь на лоб, а мама пристально смотрит на него взглядом, полным осуждения, словно ругая его.

После столь напряженного момента, лицо матери принимает свой прежний, яркий вид, и она говорит: "Твой отец разбудил тебя, дорогой?"

"Мне просто нужно отойти."

Она нежно смотрит вниз на меня. Поглаживая мою щеку, она отвечает: "Мне жаль, любовь моя. Твой отец потерял над собой контроль. Не задерживайся слишком долго."

Выпрыгивая из кареты меня хлопает по спине отец: "Ты уж извини. И постарайся не попасться кому-нибудь, делая свои делишки.".

Он засмеялся, а мама хлопнула его по плечу. Она не могла не улыбнуться, когда я сказал: "Я бы больше боялся мамы, будь я тобой, пап."

Рев грома приподнял волосы на моей коже, я отошел от кареты всего лишь на двадцать футов. а страх уже парализует меня.

Ревущие ветры царапают ветви деревьев, визжа, словно банши, крадущиеся к нашей карете. Тени от нескольких деревьев, растянувшиеся по земле, похожи на длинные черные вены. Свет кареты, встряхивая тени, создает впечатление пульсирующих вен.

Теряя самообладание, я понесся к карете, опасаясь выдуманных самим собой иллюзий, но

приблизившись, ослепительная молния врезалась в карету, раздирая ее. Звук разрезаемого железа врываеться в мои уши, а ударная волна сотрясает землю, лишая меня зрения.

_____-Все потемнело. Когда я открываю глаза, пылающий огонь пожирает нашу карету. Молния ударила по нашей карриге. Не задумываясь, я бросился к пламени, когда мое сердце сило в силах в мои конечности.

Я открываю дверь кареты и обнаруживаю, что мой отец брызнул через вагон с застывшей кровью, которая парилась с каждой поверхности. Его кожа очищается от его тела, как взрывающийся плод. Мой желудок погружается.

До того, как это даже наступит, я присмотрюсь ко мне, показывая, что моя мать и нога брызгают кровью, поскольку ее сердце откачивает ей жизнь из ее вены. Она все еще дышит, хотя они мелкие, слабые вдохи. Я отталкиваю ее от вагона. Я нежно двигаюсь, когда ее кожа прилипает к моим рукам, как мягкая мокрая слизь. Когда я тяну ее, она хрипит от боли, но я не знал другого способа спасти ее от исступленного огня. Отчаянные времена призывали к отчаянным мерам.

Слезы, льющиеся из обугленных щелей моей матери, причиняли мне боль больше, чем тянуть зуб, но я решаю себя. Я должен ее спасти. Как только я доберусь до места, находящегося на земле, в безопасности от огня, я положил ее с нежными, нежными движениями. Во время взрыва, я синяю пятки на земле, когда я возвращаюсь к карете.

Однажды я подберись к огню, ища что-то, что поможет ей. Огонь начал распространяться, поэтому тепло размывает воздух вокруг меня. Огонь бушует в ад, когда я ищу что-то, чтобы спасти ее. Мое скремблирование превращается в истерическое безумие, когда пламя захватывает и зажимает дерево, зажигая доски из дуба.

Я собираю плащ лисицы, который дал мне мой отец во время моего последнего дня рождения. Когда мой грудь вздымается в воздухе, я разорву кремний и сталь из жгучего дерева и хватаю нож моего отца, прежде чем пламя облизнет мою руку, слишком близко для комфорта.

Я прыгаю от адского пламени тренера сцены, направляясь к моей матери, когда я приземляюсь с пульсирующими шагами. Когда я рядом с ней, она задыхается от воздуха с хрупкими вздохами, но она смотрит с ясными глазами, полными спокойствия и цели. Она говорит со слабым, хриплым голосом: «Приходите, Джек. Мне нужно, чтобы ты слушал.

Я поставил вещи, которые я нашел рядом с ней, сосредоточившись на каждом ее слове. Она очаровала многих знати своими песнями, но после того, как огонь сожгли ее легкие, она больше не держала голоса. Мои глаза горят, когда моя грудь тяжела от тяжести ситуации. Мое дыхание превращается в неглубокое и зазубренное удушье.

Страдание наводняет мой кадр. Свет вокруг меня гаснет, когда наступает ситуация. Моя мать в луже собственной крови, ее кожа горит поперек левой стороны. Пропущенные полосы кожи, которые я разорвал, кровоточили из этой крови. Большинство ее волос горели ни к чему. Она умирает. Она уже мертва.

Прежде чем я расстроюсь, она кричит с резким голосом, с большим количеством жизни, чем ее тело может позволить: «Перестань плакать! Тебе тринадцать лет!

Когда она дыры в мои глаза со своими, мои слезы прекращаются. Ее страсть потрясла меня от моей паники. Она говорит со страстью, когда ее глаза смягчаются: «Услышьте меня. Помнишь, как ты гордился своим отцом?

Я вытираю слезы с глаз, киваю своим морщинистым лицом, как изюм. Она продолжает, сосредотачиваясь на моих разбросанных мыслях: «Тогда вы знаете, как он горд от вас сейчас. Не сдавайся Джеку. Эта жизнь может дать вам путь, покрытый шипами, но вы должны упорствовать. Вы можете сделать это с Джеком?

Я киваю, когда горящая вода катится по моим щекам. Она улыбается с достоинством, продолжая: «У меня мало времени. Я хочу, чтобы вы знали, что для вас этот мир. Я знаю, что мой голос ужасен, но ты послушаешь меня в последний раз?

Я отвечаю с абсолютной искреностью, "Конечно. Я никогда не забуду. Этот мир никогда не забудет. Я вырежу это в своей душе и каждый услышит."

Когда она смотрит вверх, она поет свою последнюю песню. Заметки деликатно танцуют в воздухе. Она излучает свою гармонию, исцеляя мое сердце.

Ее голос повторяет ее время, повторяя простые радости. Ее голос очаровывает мою память об этом бедствии. То, что когда-то было сгоревшим телом, теперь падшим ангелом, и только в моих глазах она расправляет крылья своего голоса, даруя во мне силу, нерушимую и неизвестную.

Ее голос умирает, возвращая меня из маленького приюта, который она давала в последние минуты. Получая последнее дыхание с таким любящим и чистым голосом, она посвящает бездонную силу моим костям и костному мозгу,

"Мы любим тебя, Джек. Живи счастливой жизнью, мой маленький ангел."

Ее глаза закрылись, когда она вдохнула свою душу в облака. Звезды выше сияют ярко, как небо, и я плачу от ее прохождения. Я зажимаю ее руку, всхлипывая в теплый дождь, пока меня не встречает только пронзительная тишина.

Я поднимаюсь с колен, желая, чтобы мое тело двигалось. Собрав несколько останков кареты, я зажег огонь, используя кремний и сталь. Я рядом с пламенем, используя плащ моего отца, как ветряк, прежде чем я пою песню матери в лес.

Я люблю и полагаюсь на ее теплоту, но когда я блуждаю рядом с ее памятью, я рискую иссякнуть пеплом. Воспоминания набрасываются на меня, как печаль, искажает образ моих родителей, пока не останутся только яростные демоны.

Я лишаю своих мыслей, пока я не плыву в своем собственном самозабвенном забвении, но до того, как горесть поглотит меня, вдохновение инниционирует мою душу, когда я обнимаю свое бремя. Мои воспоминания дают силу вместо страданий. Мои раны становятся силой вместо слабости.

Я смотрю вверх на луну и ее детей. Мы с отцом провели много ночей под этим видом. Я узнал об урожае и охоте с его нежным руководством. Он научил меня с настойчивым терпением. Теперь его кремация не оставляет ничего, кроме пепла.

Но с яростью его и огнем, я прорвусь вперед.

Я серенаду песни, которую моя мать пропела и напевала на меня в детстве. Она дала мне любовь к песне с прозой и поэзией. Она будет скандировать с яростью, оставленной только для ее ремесла. Невзирая на ее дизайн, я пою без ограничений, но она оставляет тихую оболочку, обугленную порошком.

Но с ее изяществом и легкостью я танцую дальше.

Они оставили во мне дни прошлого, украшенные розами и солнцем. Я помню о временах, наполненных семьей и теплом. Я отказываюсь от причуд судьбы. Я сжимаю зубы до скрежета, пока они не сломаются. Я найду дни радости, оставшиеся от меня.

С их любовью и преданностью, я не войду в эту ночь осторожно.

С их любовью и преданностью, я сокрушу страдания, прилагая все силы.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/11385/220497